

ГЕРОИЧЕСКАЯ ОБОРОНА ПОЛОЦКА В АВГУСТЕ 1579 ГОДА

Аннотация. Статья посвящена одному из самых важных в истории Ливонской войны событий — осаде Полоцка польско-литовскими войсками в августе 1579 года.

Ключевые слова: Ливонская война; Иван Грозный; Стефан Баторий; осада и оборона Полоцка.

Summary. The article is devoted to one of the most important events in the history of the Livonian war — the siege of Polotsk by Polish-Lithuanian troops in August 1579.

Keywords: Livonian war; Ivan the Terrible; Stephen Bathory; siege and defence of Polotsk.

Падение Полоцка в августе 1579 года после его почти трёхнедельной осады войсками короля Речи Посполитой Стефана Батория стало переломным моментом в истории Ливонской войны 1558—1583 гг. Создателем «классической» версии подробного описания хода кампании 1579 года, в том числе осады Полоцка, стал князь М.М. Щербатов¹. В XIX столетии его версии придерживались ведущие отечественные учёные (начиная с Н.М. Карамзина)², а также военные историки³. Вышедшее в свет в 1904 году исследование В.В. Новодворского, посвящённое борьбе России и Речи Посполитой за Ливонию в 70—начале 80-х годов XVI века⁴, отличалось от предыдущих изысканий по этой теме большей основательностью и обширностью привлечённых источников⁵. При некоторых всё же присущих работе Новодворского недостатках можно с уверенностью заявить, что её автор внёс значимый вклад в изучение полоцкой истории. К сожалению, в дореволюционной историографии его труд остался единственным в своём роде.

У советских историков Ливонская война была одной из популярных тем, однако только В.Д. Королюк специально посвятил ей свой научный очерк внешней политики России 1550 — начала 1580-х годов, в двух абзацах которого кратко охарактеризовал и полоцкую осаду⁶. В дальнейшем в исследованиях некоторых учёных⁷ затрагивалась тема обороны Полоцка от войск Стефана Батория, но отдельной работы, равнозначной труду В.В. Новодворского, создано не было.

Сказанная когда-то Иваном IV Грозным фраза о том, что якобы полоцкие воеводы «худы были и сдали город изменою», надолго определила несправедливое отношение к этой странице русской военной истории. Поэтому особенно важно сегодня, основываясь на наиболее интересных опубликованных источниках⁸ (в основном польских)⁹, ещё раз обратиться к исследуемой проблеме.

ПОЛОЦК, старинный русский город на реке Западная Двина, перешедший под власть литовских князей, был взят царскими войсками во время знаменитого «полоцкого взятия» в зимнюю кампанию 1562/63 года. Однако ни в Литве, ни в Польше не согласились с этим, и поскольку возобновившаяся в 1562 году война между Русским государством и Великим княжеством Литовским (с 1569-го — Речью Посполитой) к концу 1570-х годов была далека от завершения, то не было сомнений в том, что борьба за Полоцк будет продолжена. Так, избранный в 1576 году королём Речи Посполитой семиградский воевода Стефан Баторий в сентябре 1577-го писал виленскому каштеляну и жмудскому старосте Я. Ходкевичу, что рассматривает Смоленск и Полоцк как возможные цели предстоящего похода против Ивана Грозного¹⁰.

Однако лишь в 1578 году, после урегулирования Баторием внешне- и внутривосточных проблем, польско-литовские войска вместе со шведами атаковали русские полки, осаждавшие Венден (Кесь), нанеся им жестокое поражение. В начале следующего года польский¹¹ литовский гетман К. Радзивилл совершил конный рейд в окрестности Дерпта и взял крепость Киремпе в 60 верстах от Пскова.

Весной 1579 года в белорусское местечко Свирь, восточнее Вильно, назначенное местом сбора войск, начали прибывать польские, литовские, венгерские и наёмные роты и хоругви¹², доставляться снаряжение и припасы. Сам король выехал в столицу Великого княжества Литовского, откуда 26 июня* 1579 года отправил к Ивану IV гонца В. Лопатинского с гра-

мотой с объявлением войны русскому царю¹³. Спустя четыре дня Баторий покинул Вильно, отправившись в Свирь, куда прибыл 11 июля. Был создан военный совет, на котором польский король предложил решить вопрос: куда нужно нанести главный удар? Вопреки мнению литовских магнатов он настоял на том, что нужно прежде всего атаковать Полоцк. Овладение им позволяло не только перенести войну в пределы Русского государства, но и надёжно прикрыть Литву и Ливонию от ответных нападений русских. Кроме того, возвращение Полоцка Литве открывало судоходство по Двине. Баторий указал также, что взятие города могло бы стать реваншем за унижающее поражение 1563 года и позволило бы воевать с большим подъёмом¹⁴.

Так Полоцк стал первой целью возобновившейся вой-

* Все даты даны по старому стилю.

Стефан Баторий
Художник М. Кобер, 1583 г.

ны. Для Ивана Грозного это не было секретом. Ещё в начале июня 1579 года вернувшийся из Речи Посполитой гонец Андрей Михалков сообщил царю, что Баторий намерен напасть с одной стороны на Смоленск, а с другой — на Полоцк¹⁵. Но задолго до этого началось усиление обороны города. Вряд ли случайным стало и назначение весной 1578 года «на перемену» в Полоцк опытного военачальника сына боярского М. Дьяка Ржевского — эксперта по применению артиллерии, стрельцов и казаков¹⁶. Осенью того же года Иван IV приступил к сбору войска «на своё дело и на земское». По оценке папского нунция в Речи Посполитой кардинала Калигари, его численность составляла 200 тыс. пехоты и конницы¹⁷. Однако столько ратных людей русский царь не имел даже в самые лучшие времена. К тому же в разрядах указывается и точная численность собранной им против Батория рати — на 1 июня 1579 года в государственном полку, пяти других полках и «при наряде» было «всево всяких людей 27 969 чело-

век», в том числе 10,5 тыс. князей, дворян и детей боярских, 6000 татар, мордвы и новокрещённых, 3200 стрельцов и казаков, а также 4500 даточных людей¹⁸. Поэтому в современной отечественной историографии закрепилась иная оценка численности полевой армии Ивана Грозного в тот период — от 23,6 до 30 тыс. человек¹⁹.

Этим и объясняется непонятная на первый взгляд пассивность Ивана IV в эту кампанию: силы, собранные им для отражения наступления королевского войска, серьёзно уступали неприятелю в численности, тем более что нужно было ожидать и вторжения шведов²⁰. К тому же главная ударная сила русского войска — конная помещная милиция устала от многолетних непрерывных походов и войн, упали и её моральный дух (рост «нетства» и дезертирства)²¹, и боеспособность. Решение бросить эту силу на «прямое дело» с неприятелем могло привести к катастрофе с непредсказуемыми последствиями, поскольку из-за особенностей её комплектования и подготовки быстро восполнить потери помещной конницы было невозможно. Поэтому Иван Грозный и его советники приняли решение отказаться от наступления. Расчёт был на то, что Баторий, будучи вынужден брать многочисленные хорошо укрепленные и вооружённые русские крепости и замки в Ливонии и на русско-литовском пограничье, растратит время, деньги и людей, после чего можно будет или нанести контрудар, или возобновить мирные переговоры.

Однако такое решение неизбежно вело к тому, что полоцкчанам нужно было надеяться прежде всего на свои собственные силы. А какими они были? К сожалению, пока точно определить численность полоцкого гарнизона не представляется возможным. Однако сопоставление свидетельств с «той» стороны с сохранившимися русскими документами позволяет предположить, что к началу осады в Полоцке находились около 2000—3000 детей боярских с послужильцами (из местных²² и северозападных городов), 1000—1500 стрельцов и казаков (2 стрелецких и по-

меньшей мере 1 казачий «прибор») и от 1500 до 3000 мобилизованных посадских людей и сбежавшихся под защиту стен города крестьян окрестных деревень. Командовали ими «87-го году с рожества Христова» «в большом городе воеводы князь Василей Иванович Телятевской да по вестем послан с вознесеньева дни Иваниз Григорьев сын Зюзин; да за Полотою в остроге воевода Петр Иванович Волинской; в стрелетцком городе воевода князь Дмитрий Щербатой да Дьяк Матвей Иванов сын Ржевской; в городничих Замятия Опалев да Федор Петров сын Кафтырев»²³.

Что касается состояния артиллерийского парка Полоцка, то согласно хронике М. Бельского в крепости были взяты 38 пушек, 300 гаковниц и почти 600 «долгих ручниц», а Калигари сообщал о 50 и 60 «больших» пушках в городе²⁴. Из перечня артиллерийских орудий, оставленных Баторием в Полоцке после его взятия (скорее всего, эти орудия были из числа трофеев), можно составить представление о качестве полоцкой артиллерии. Из 28 пушек одна была 12-фунтовой, 12 — 6-фунтовыми, а остальные имели калибр от 4 до 0,5 фунта²⁵.

КОГДА намерение Батория нанести удар по Полоцку стало очевидным, Иван Грозный счёл численность и оснащение полоцкого гарнизона недостаточными и решил усилить их. Из Пскова в Полоцк была отправлена 40-фунтовая пищаль «Свиток», а 1 августа 1579 года «на пособы» полоцким воеводам выступили воеводы Б.В. Шеин, Ф.В. Шереметев, князя М.Ю. Лыков, А.Д. Палецкий и В.И. Кривоборский, «да с воеводами посланы дети боярские розных городов; да с воеводами же послан Юрий Булгаков з донскими казаками; да з донскими же казаками послан голова Василей Кузмин Короваев»²⁶. С ними были отправлены примерно 4000—5000 ратных людей, в том числе до 2000 донских казаков²⁷.

Воеводам был дан наказ «одноконечно проитти в Полотеск, смотря по тамошнему делу... а будет государевым воеводам Борису Васильевичи Шеину с товарищи — и донским

казаком в Полотеск проитти немощно, и им итти к Соколу и быть в Соколе»²⁸. Увы, прорваться в Полоцк воеводам не удалось. К тому времени, когда они подошли к Соколу, город был уже окружён и блокирован литовскими отрядами. К тому же, если верить разрядным записям, донцы не решились ввязываться в чрезвычайно рискованное и опасное дело и «изменили, пошли ис Сокола без отпуску на Дон, не дожидая литовских людей» (возможно, их дезертирство, если оно имело место, и оказало решающее воздействие на роковое решение «прибылых» воевод не идти в Полоцк)²⁹. Не дошёл до Полоцка и «Свиток», что также не могло не сказаться на судьбе крепости. В итоге «севшим в осаду» полочанам пришлось рассчитывать только на себя и мощь укреплений города.

Подробного описания крепостных сооружений Полоцка конца 70-х годов XVI столетия не сохранилось, однако судить о них сегодня можно по запискам Р. Гейденштейна, рисункам королевского секретаря Ст. Пахоловицкого, участника тех событий, и сделанных на этой основе гравюр Я. Баптисты³⁰. Согласно им к началу осады город состоял из трёх частей — сильно укрепленного Верхнего замка («Большого города» по русским источникам. — В.П.), примыкавшей к нему Стрелецкой крепости (Стрелецкого города, или Нижнего замка. — В.П.) и возведённого за рекой Полотой Заполотья, полоцкого посада. Гейденштейн писал: «Полоцк — город, сильно укрепленный самой природой, а также и искусством, и ввиду своего пограничного положения весьма тщательно снабженный припасами, пушками, порохом и всеми военными снарядами, так как неприятель не мог сомневаться, что (в случае нашествия) ему придётся выдержать первое нападение»³¹. Характер полоцких укреплений был типичен для русской фортификационной техники того времени, неплохо описанной иезуитом А. Поссевино³². Его сведения подтверждаются данными археологических раскопок в самом Полоцке³³.

Верхний замок согласно описанию 1552 года представлял собой укрепление «на горе высокой самородной меж реками Двиною и Полотою рублен з дерева соснового в пять стен городни кром веж», которых насчитывалось девять³⁴. Однако во время памятной осады зимой 1563 года он сильно пострадал, поэтому, покидая город после его взятия, Иван Грозный наказал воеводам, оставшимся на «годованье», привести укрепления в порядок³⁵. Результат был таким: «холм, на котором возвышается Верхний замок, со всех сторон обрывист и окружён повсюду весьма высоким валом и большими глубокими рвами, для усиления которых употреблены были все средства», «стены же и башни её очень тверды и состоят из нескольких связанных между собою рядов из весьма крепкого дуба»³⁶. В процессе восстановления и реконструкции Большого города старые сосновые городни заменили на более устойчивые дубовые, башен стало 14. Кроме того, неизвестные русские «горододельцы»-фортификаторы возвели на возвышении мощную деревянную башню-«донжон», которая, по словам Поссевино, «почти не давала возможности приблизиться в каком бы то ни было месте со стороны лагеря или с любой другой стороны. Между прочим, несмотря на ожесточённый обстрел польскими ядрами, она почти не покосилась»³⁷.

ДОСТАТОЧНО мощными были укрепления и Стрелецкого города. Он занимал площадь примерно 6 га, был обнесён мощным валом с внутренним дубовым каркасом, поверх которого шёл деревянный острог с 8 башнями, и рвом. Внутри города находилась ещё одна мощная башня-«донжон», оснащённая артиллерией³⁸.

Об укреплениях Заполотья практически ничего не известно. Анализ современных осад изображений позволяет сделать вывод о том, что посад был обнесён валом, стеной с башнями (семь или восемь) и, возможно, рвом. Однако судя по тому, что русские быстро оставили Заполотье, полоцкие воеводы были невысокого мнения

о способности укреплений посада противостоять натиску неприятеля.

Какова же была королевская армия? В изданном в 1580 году в Нюрнберге немецком «летучем» листке армия Батория оценивалась в 136,5 тыс. человек (без учёта разного рода вспомогательных контингентов)³⁹. Однако намного более информированный Калигари писал в Рим, что король располагал 60-тысячным войском (примерно 40 тыс. — на главном направлении)⁴⁰. Польские историки начала XX века насчитали в королевской армии от 16 до 20 тыс. пехоты и конницы (без литовских контингентов)⁴¹. Х. Котарский, наиболее основательно исследовавший этот вопрос, полагал, что списочный состав польско-литовской армии составлял более 40 тыс. пехоты и конницы — около 28—30 тыс. конных и около 12 тыс. пехоты, в том числе около 18 тыс. наёмного войска и 24 тыс. магнатских почтов и посполитого рушения⁴². С учётом же «слепых почтов» (польскими историками обычно их доля определяется в 8—10 проц. к общему числу «порций» и «коней» в ротах и хоругвях) Баторий располагал под стенами Полоцка примерно 35 тыс. пехоты и конницы⁴³.

Число стволов польско-литовской артиллерии точно неизвестно. При подготовке похода на город в 1578 году Баторий планировал взять с собой 67 орудий (из них 24 тяжёлых и 12 мортир), однако, по данным Х. Котарского, под Полоцком таковых оказалось только 33⁴⁴. И ещё один примечательный факт — при подготовке Великолуцкого похода 1580 года король заказал для своей артиллерии ядра калибром 31 фунт (1000 штук), 24 фунта (1000), 22 фунта (ещё 1000) и 68 фунтов (200 штук)⁴⁵. Можно предположить, что эти орудия (вероятно, 1 68-фунтовое и порядка 10—15 22—31-фунтовых) приняли участие и в осаде Полоцка.

Сравнивая численность и техническую оснащённость противоборствующих сторон, следует отметить, что польско-литовское войско обладало определённым численным преимуществом над защитниками крепости. В артиллерии Баторий если и имел над ними пре-

Полоцк в 1579 году

Фрагмент гравюры Я. Баптисты по рисунку Ст. Пахоловицкого

восходство, то скорее качественное, чем количественное. Однако мощи собранного артиллерийского парка оказалось явно недостаточно для того, чтобы, не прибегая к довольно экстравагантным для конца XVI столетия приёмам, сломить сопротивление защитников крепости.

Но вернёмся к истории осады. Военные приготовления в лагере Батория под Свирию были в самом разгаре, когда в середине июля 1579 года в королевскую ставку поступили сведения о том, что Иван Грозный высылает подкрепления в Полоцк. Это известие ускорило выступление польского короля в поход. Стремясь не допустить усиления гарнизона Полоцка, Баторий отправил к городу авангард из литовской конницы во главе с канцлером Великого княжества Литовского, воеводой виленским Н. Радзивиллом «Рыжим», усилив его венгерской конницей и пехотой под началом К. Бекеша. Перед Радзивиллом была поставлена задача — выйти к Полоцку и блокировать его, заодно расчистив путь для главных сил польской армии⁴⁶. Эту задачу он выполнил. 28 июля был взят Козьян, спустя 3 дня — Красный, 4 августа — Ситно. Фактически Полоцк был окружён и отрезан от своих. Лишь небольшой отряд русских конных и пеших ратных людей (видимо, стрельцов) успел незадолго до подхода литовцев и венгров проскольз-

нуть в Полоцк (вероятно, это был авангард рати, посланной Иваном Грозным на помощь полочанам)⁴⁷. Окружив город, Радзивилл отправил к осаждённому королевское послание с предложением сдаться⁴⁸, на что был получен недвусмысленный отказ⁴⁹.

Марш главных сил королевского войска во главе с самим Баторием, двигавшихся к Полоцку двумя колоннами, сильно затянулся из-за проливных дождей и лесистой местности⁵⁰. Только 11 августа король с большей частью своего войска был у стен города. Началась его осада.

При определении направления главного удара возникли серьёзные разногласия. Король настаивал на том, чтобы атаковать прежде всего Верхний замок. А командовавший венграми К. Бекеш полагал, что прежде нужно попытаться взять Заполотье. Пока шёл спор, немецкие наёмники переправились через Полоту и разбили лагерь напротив Стрелецкого города, откуда и вознамерились вести осадные работы. В итоге, не сумев настоять на своём и опасаясь распрей среди своих военачальников, Баторий принял «соломоново» решение и разрешил Бекешу приступить к исполнению своего замысла, немцы занялись рытьём своих шанцев, а польско-литовская пехота начала осаду Большого города⁵¹.

Ход полоцкой осады, оправдавшей самые мрачные предчувствия Батория⁵², может быть изучен по польско-литовским источникам, поскольку документы полоцкой воеводской избы⁵³ или пропали во время борьбы, или попали в руки поляков. Гарнизон и жители Полоцка отчаянно оборонялись, да так, что польский король в своей реляции о взятии города был вынужден подчеркнуть, что его оборона «показала, насколько москвиты превосходят все прочие народы мужеством и пылом в защите крепостей»⁵⁴. К этому необходимо добавить отвратительную погоду, от которой сильно страдали стоявшие лагерем в поле поляки, литовцы, венгры и особенно немцы. Лето 1579 года выдалось холодным и дождливым. Ливонский хронист Б. Рюсов писал, что тогда «стояла такая небывалая и неслыханная дождливая погода, что в течение пяти недель не было трёх дней без дождя»⁵⁵. Помимо этого фуражиры очень быстро опустошили местность, прилегавшую к Полоцку. Доставка же провианта и фуража обозами по размытым дорогам, которые к тому же подвергались набегам русских из Сокола, Суши и других крепостей на Полочанщине, оставшихся в руках царских воевод, была сопряжена с большими трудностями⁵⁶. Проблемы со снабжением, грязь и сырость, болезни — все это способствовало росту уныния в королевском войске, особенно среди наёмников-немцев, шанцы и лагерь которых особенно сильно страдали от обстрела и вылазок из Стрелецкого города⁵⁷.

ПЕРВЫЙ успех осаждавших 12 августа, когда венгры установили на поспешно возведённых батареях артиллерию и обстреляли слабо укреплённое Заполотье, вынудив полоцких воевод оставить посад, предварительно спалив его⁵⁸, надолго остался единственным. На протяжении двух последующих недель королевская армия безуспешно пыталась заставить защитников Полоцка сдаться. Бомбардировка полоцких укреплений, в том числе и с применением калёных ядер, не принесла успеха — дере-

воземляные оборонительные сооружения крепости успешно противостояли обстрелу. Отсыревшее от непрерывных дождей дерево сопротивлялось огню, а постоянно возникавшие очаги возгорания тушились защитниками города с мужеством, приводившим осаждавших в изумление⁵⁹.

Отчаявшись пробить брешь в стенах Полоцка при помощи малочисленной артиллерии, К. Бекеш вызвал охотников из своего лагеря попытаться факелами поджечь стены и башни Большого города. За венграми пошли польские и литовские добровольцы. Однако и этот экстравагантный приём также не имел успеха. Русские, осыпая неприятельских стрелцов ядрами, пулями и стрелами, сбрасывая на них брёвна и камни, вынуждали тех из них, кто сумел подобраться к самым стенам, отказаться от своего намерения.

«Ввиду столь тяжких отовсюду затруднений» 28 августа Баторий созвал военный совет. Большинство высказавшихся на нём военачальников считали, что в сложившейся ситуации остался единственный выход — «оцепив кругом город, со всех сторон всеми войсками попробовать сделать единовременный приступ». Однако король отказался принять этот план, так как был уверен — если штурм провалится, то, по словам Гейденштейна, «в случае неудачи этого плана, на который все возлагают последнюю надежду, не оставалось бы ничего другого, как только отступить, ибо всякая надежда тогда была [бы] уничтожена»⁶⁰. Действительно, в тех условиях штурм мог закончиться полным провалом и большими потерями для штурмовавших. И кто знает, как бы тогда пошла война?

Не желая ставить всё на карту, Баторий добился согласия своих военачальников на ещё одну попытку поджечь укрепления Полоцка вручную, при помощи факелов и горючих материалов. Утром следующего дня он обратился к венграм и в своей речи призвал пехотинцев и всадников вновь поджечь стены и башни города, напомнив, что «лучше, наконец, найти смерть под стенами и стре-

лами неприятелей ради славы своего народа и ради доброй молвы об их мужестве, нежели без успеха отступить от приступа и тем подвергнуться бесчестью»⁶¹. С первыми лучами солнца, после нескольких недель непогоды наконец проглянувшего сквозь тучи, множество охотников высыпали из шанцев осаждавших и устремились к Верхнему замку. На этот раз они подожгли башню и стены на мысообразном выступе над Полотой, и начался пожар. В хронике М. Бельского сообщается, что героем дня стал некий мастеровой-котляр из Львова, который сумел подтащить котёл с раскалёнными углями к башне и поджечь её⁶².

НЕСМОТЯ на все усилия полоцкого гарнизона, огонь, охвативший башню и прилежавший к ней участок крепостной стены, потушить не удалось. Королевская артиллерия постоянно обстреливала Верхний замок, мешая защитникам в их борьбе с пламенем, и лишь к вечеру 29 августа огонь постепенно утих. Башня и значительный участок стены превратились в угли, открыв королевским войскам доступ внутрь крепости.

В образовавшейся бреше вечером вспыхнула отчаянная рукопашная схватка между защитниками города и жаждавшими добычи королевскими солдатами. После ожесточённого боя венгры и поляки были отброшены, преследуя их, русские на плечах бежавших едва не ворвались в неприятельские шанцы, но, в свою очередь, были контратакованы и принуждены к отступлению свежими силами, которые привёл на помощь штурмовавшим великий коронный гетман⁶³ Н. Мелецкий. При этом сам

король, наблюдавший за схваткой, едва не погиб от меткого выстрела одного из русских пушкарей⁶⁴. Казалось, новая неудача станет роковой — в лагере неприятеля поляки и венгры взаимно обвиняли друг друга в том, что именно их действия стали причиной поражения. Напротив, защитники крепости приободрились. Как свидетельствовал находившийся в лагере Батория в дни осады данцигский ратман Д. Герман, в ответ на отправленное в крепость днём 29 августа очередное требование Батория открыть ворота Полоцка⁶⁵ московские воеводы передали ему: «Ключи (от Полоцка. — В.П.) в руках великого князя, и если его королевское величество хочет отворить их (ворота. — В.П.), то пусть попробует»⁶⁶. И пока в королевском лагере шли перепалки, полочане, заделав на скорую руку брешь, ночью и утром 30 августа попытались восстановить остатки башни и стен, сильно пострадавших от огня. Узнав об этом около полудня, Баторий приказал немедленно начать новую атаку с целью не дать

Гусары надворной хоругви конца XVI в.
Художник Ю. Коссак

Польские шляхтич и ротмистр конца XVI в.
Художник Ю. Коссак

защитникам города восстановить разрушенное. После ожесточённого боя русские были отброшены назад, за возведённую накануне перемычку, венгры сумели снова поджечь башню, над восстановлением которой трудились полочане, и ошанцеваться на непосредственных подступах к валу Большого города. Новый пожар длился всю ночь и нанёс большой урон укреплениям Верхнего замка. Серьёзные потери понёс и гарнизон города⁶⁷, пытавшийся под сильным обстрелом с трёх сторон из пушек и гаковниц заделать брешь и потушить пламя. Тем временем венгры сумели подвести апроши к возведённой русским перемычке. Наступил критический момент осады, и тут не выдержали нервы у рядовых защитников крепости.

Не видя поддержки со стороны засевших в Соколе воевод (чего 29 августа очень опасался Баторий), они взбунтовались. Мятежники отказались подчиняться воеводам и потребовали, чтобы они вместе с полоцким епископом Ки-

прианом вступили в переговоры с неприятельским командованием. Гейденштейн писал, что Кирриан и воеводы «одни только отговаривали от сдачи и настаивали, что лучше умереть, нежели отдать живыми в руки неприятелей». При этом польский историк отмечал, что воеводы взорвать пороховые запасы в Полоцке, готовясь похоронить себя и гарнизон под руинами несдавшейся крепости, но были удержаны от этого самоубийственного шага своими людьми⁶⁸.

Получив отказ со стороны воевод, полоцкие ратные люди самостоятельно отправили послов к польскому королю договариваться о сдаче. Воеводы и архиепископ, не в силах препятствовать измене, заперлись в полоцком кафедральном соборе святой Софии. Тем временем посланцы от имени гарнизона пришли к соглашению с Баторием. На радостях тот согласился на весьма мягкие условия сдачи: предложил полочанам выбор — или поступить к нему на службу, или вернуться в Россию со всем имуществом. 31 августа 1579 года король со своей свитой вступил в Полоцк. Тяжёлая, стоившая больших усилий и потерь осада закончилась.

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ — о судьбе полоцкого гарнизона и его воевод. Большинство полоцких детей боярских, стрельцов и казаков решили вернуться на родину. Как писал Гейденштейн, Иван Грозный «разместил их по крепостям: Лукам, Заволочью, Невелю, Усвяту, чтобы там они могли смыть с себя бесчестие за сдачу Полоцка»⁶⁹. Правда,

судьба их оказалась печальной — несмотря на предпринятые Баторием меры, на пути в Россию отпущенные полочане всё равно были ограблены обозной челядью и «гультайством»⁷⁰ при попустительстве казаков и литовцев, которым поручили охранять русских.

Более горестной была судьба полоцких воевод. Поимённо перечисленные в победной королевской реляции, они были приведены к Баторию и отданы под надзор литовскому подскарбию⁷¹ Л. Войне, а по прошествии нескольких дней были отправлены в заключение в Вильно⁷². Об их дальнейшей судьбе известно немного. В конце 1579 года они были ещё живы, поскольку гонец от короля Речи Посполитой Богдан Проселок, прибывший к Ивану Грозному, доставил среди прочих бумаг также список пленённых во время взятия Полоцка и окружавших его крепостей русских воевод и начальных людей, заявив при этом, что король отпустил полоцких воевод на родину, но они сами не захотели возвращаться⁷³.

Видимо, как следствие этого известия, в разрядных книгах появилась запись, отразившая эмоции, обуревавшие царя после получения им известия о падении Полоцка: «Тово же году (1579 г. — В.П.) июля в день пришел польской и литовской король Стефан Обатур к государеву городу х Полотцку со многими людьми... И король стоял под Полоцким 4 недели и Полотеск взял изменою, потому что воеводы были в Полоцке глупы и худы: и как голов и сотников побили, и воеводы королю и город здали, а сами били челом королю в службу, з женами, и з детьми, и с людьми, и стрельцами»⁷⁴.

Примечательно, что сам Баторий так не считал. В августе 1581 года он писал Ивану IV, что осада Полоцка оказалась далеко не простым делом, в том числе и потому, что «при пилном усилуванью людей твоих, котории на Полоцку были и вере своей противно тебе досыть чинячи, противно кулям, мечу и огню статечне застановлялися»⁷⁵. Обращает на себя внимание и тот факт, что обвинение полоцких воевод в измене отсутствует как в «Государе-

вом разряде», составленном в 1598 году, так и в его более ранней редакции 1585 года (Ю. В. Анхимюк сомневается в её существовании), но при этом сохранился в некоторых частных разрядных книгах⁷⁶. Значит ли это, что после смерти Ивана Грозного обвинение в измене было снято с полоцких воевод?

Так или иначе, но складывается впечатление, что царь, пытаясь выволочь любыми путями из польско-литовского плена своих воевод⁷⁷, полоцких начальных людей среди тех, кто заслуживал скорейшего освобождения из заточения, не рассматривал. В итоге они, как и ряд других воевод, вернулись домой, скорее всего, лишь после заключения мира⁷⁸. Много позднее, уже после смерти самого Ивана Грозного Фёдор Иоаннович с укоризной писал, обращаясь к польскому королю, что он отпустил всех «полских и литовских людей, и угорских, и немецких» «даромъ безъ окупы и безъ отъмены», тогда как Баторий «наших пленных людей лучших никого к намъ даромъ не отпустил, а отпустил к намъ только молодых детей боярскихъ и стрелцовъ, и пашенных мужиковъ немного, а за лучших полонениковъ, за прежних и за последних, поимал у насъ великие окупы, денгами взял пятьдесятъ чотыри тисечи рублей, опрочъ того, которые въ розно окуплены на великие ж окупы»⁷⁹. Вероятно, среди этих выкупленных после завершения войны «великим окупом» «лучших полонениковъ» были и оставшиеся к тому времени в живых полоцкие воеводы и начальные люди.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Щербатов М. М. История Российской империи от древнейших времен. Т. V. Ч. III. СПб., 1789. С. 14—30.

² См., например: Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. IX. СПб., 1843. Стб. 172—178; Примечания. Стб. 114, 115; Иловайский Д. И. История России. Т. III. Московско-царский период. Первая половина или XVI век. М., 1890. С. 297—299; Соловьёв С. М. Сочинения в восемнадцати книгах. М., 1989. Кн. III. С. 628—633.

³ См., например: Голицын Н. С. Русская военная история. Ч. 2. От

Иоанна III до Петра I. СПб., 1878. С. 181—184; Русская военная сила. М., 1892. Т. I. С. 192, 193.

⁴ Новодворский В. В. Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитою (1570—1582). Историко-критическое исследование. СПб., 1904.

⁵ Там же. С. 88—107.

⁶ Королюк В. Д. Ливонская война. М., 1954. С. 100, 101.

⁷ См.: Зимин А. А. В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 54—57. Ср.: Скрынников П. Г. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. Смоленск, 1996. Т. II. С. 258—260.

⁸ Гейденштейн П. Записки о Московской войне (1578—1582); Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного; Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Рязань, 2005; Kronika Marcina Bielskiego. Т. III. Sanok, 1856; I. A. Caligarii Nuntii apost. in Polonia Epistola et Acta 1578—1581 // Monumenta Poloniae Vaticana. Т. IV. Cracoviae, 1915; Księgi podskarbińskie z czasów Stefana Batorego. 1576—1586 // Źródła dziejowe. Т. XI. Warszawa, 1881; Solikowski J. D. Krótki pamiętnik rzeczy polskich od zgonu Zygmunta Augusta. Petersburg, 1855; Sprawy wojenne króla Stefana Batorego. Dyjaryjusze, relacje, listy i akta z lat 1576—1586 // Acta Historica Res Gestas Poloniae Illustrantia ab Anno 1307 ad Annum 1793. Т. XI. Cracoviae, 1887; Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmodzka i wszystkiej Rusi. Т. II. Warszawa, 1846; Wiadomości do Dziejów Polskich z Archiwum Provincyi Szląskiej. Wrocław, 1860 и др.

⁹ См., например: Hupert W. Historia wojenna polska w zarysie. Lwow, 1919; Kotarski H. Wojsko polsko-litewskie podczas wojny inflanckiej 1576—1582. Sprawy organizacyjne. Cz. II // Studia i Materiały do Historii Wojskowości. Т. XVII. Cz. I. Warszawa, 1971; Korzon T. Dzieje wojen i wojskowości w Polsce. Т. II. Lwów-Warszawa-Kraków, 1923; Kukiel M. Zarys Historii Wojskowości w Polsce. Kraków, 1929; Kupish D. Połock 1579. Warszawa, 2003; Tyzkowski K. Stefan Batory. Lwow, 1933.

¹⁰ Новодворский В. В. Указ. соч. Приложения. С. 32.

¹¹ Польный гетман — заместитель гетмана, командующего войсками Польского королевства и Великого княжества Литовского, должность, введённая в вооружённых силах Великого княжества Литовского в середине XVI в. (См., например: Бохан Ю. М. Вайсковая справа ў Вялікім княстве Літоўскім у другой палове XIV — канцы XVI ст. Мінск, 2008. С. 327, 328).

¹² Хоругвь — в войсках Польши и Великого княжества Литовского конный аналог пеших роты, численностью от нескольких десятков до нескольких сот всадников.

¹³ Текст грамоты см., например: Sprawy wojenne króla Stefana Batorego... S. 162—169.

¹⁴ О дискуссии см.: Гейденштейн П. Указ. соч. С. 100, 101. См. также: Kronika Marcina Bielskiego... S. 1445.

¹⁵ Бантыш-Каменский Н. Н. Переписка между Россиею и Польшею по 1700 г. Ч. I. 1487—1584. М., 1862. С. 157; Разрядная книга (РК) 1550—1636. Ч. I. М., 1975. С. 298.

¹⁶ См., например: Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. XIII. С. 398; РК 1475—1598. М., 1966. С. 234.

¹⁷ I. A. Caligarii Nuntii apost. in Polonia Epistola et Acta... S. 249.

¹⁸ РК 1475—1605. Т. III. Ч. I. М., 1984. С. 54, 61, 62.

¹⁹ См., например: Волков В. А. Войны и войска Московского государства. М., 2004. С. 201; Скрынников П. Г. Указ. соч. С. 260.

²⁰ Тот же Калигари сообщал в сентябре 1579 г., что шведский король собрал в Ревеле 12 тыс. пехоты (см.: Caligarii Nuntii apost. in Polonia Epistola et Acta... S. 280).

²¹ См., например: Документы о Ливонской войне // Археологический ежегодник за 1960 г. М., 1962. С. 266, 267.

²² Ермак В. Ю. Землевладение российских помещиков в Полоцком повете в 1563—1571 гг. по данным писцовых книг // Studia historica Europae Orientalis. Исследования по истории Восточной Европы. Минск, 2009. Вып. 2. С. 142.

²³ РК 1475—1598. М., 1966. С. 298. Расчёты сделаны автором по: Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571—1580 гг. // Памятники истории Восточной Европы. М.; Варшава, 1998. Т. III. С. 24, 25, 29, 33; Калачов Н. В. Писцовые книги XVI века. Ч. I. Отделение второе. СПб., 1877. С. 465, 466, 468, 473; Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского (КПМ), содержащая в себе дипломатические отношения Литвы в государственное короля Стефана Батория (с 1573 по 1580 г.). М., 1843. С. 51; РК 1475—1605. Т. III. Ч. I. С. 80; Caligarii Nuntii apost. in Polonia Epistola et Acta. S. 271, 274; Lietuvos Metrika (LM). Кн. 594 (1585—1600). Vilnius, 2006. P. 101; Sprawy wojenne króla Stefana Batorego. S. 174; Strykowski M. Kronika Polska... S. 429.